

**НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЕМАНОВ А.Г. МЕЖДУ ПОЛЯРНОЙ
ЗВЕЗДОЙ И ПОЛУДЕННЫМ СОЛНЦЕМ:
КАФА В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ XIII–XV ВЕКОВ**

В.А. Евстиунин

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

v.a.evstiunin@utmn.ru

В статье рассматривается монографическое исследование профессора Тюменского университета А.Г. Еманова, представляющее собой попытку культурно-антропологической проблематизации сферы экономических отношений Старого Света в XIII–XV вв. на основе изучения истории одного из крупнейших центров торговли и ремесла той эпохи – крымского города Кафа (современная Феодосия). Исследование базируется на широком круге письменных и вещественных источников. Проанализирован внушительный массив частноправовых актов, публичных и частных документов на латинском, среднегреческом, народных романских, германских, славянских и иных европейских и восточных языках, активно задействованы нумизматические коллекции. Автором составлена топография распространения кладов и единичных находок монет Кафы в Восточной Европе. В качестве главной исследовательской гипотезы можно отметить рассмотрение исторических процессов не в качестве устойчивой дихотомии Запад–Восток, но как взаимосуществование Севера и Юга. Основной особенностью авторского стиля является склонность к метафорам и этимологическим экзерсисам. Север обозначен им Полярной звездой, а Юг Полуденным Солнцем, поскольку так они символически обозначались средневековыми людьми, прежде всего купцами и моряками. Торговый и культурный обмен между Севером и Югом обозначен автором оригинальным терминологическим сочетанием «меридиональная коммуникация». Главной отличительной особенностью книги является реконструкция автором восприятий товаров, вывозившихся из Кафы, средневековыми европейцами, их отражений в городской культуре. Здесь, к примеру, изображения сибирских мехов в европейской геральдике. Также предпринята попытка реконструкции менталитета (мышления) деловых людей той эпохи, согласно выводам автора, не сводимого к жажде наживы, но подчиненного этосу – модели поведения, совокупности ценностных ориентаций, добродетелей, включающих любовь к ближнему и признание бедных и слабых.

Ключевые слова: Еманов А.Г., Кафа, Феодосия, XIII–XV вв., экономическая история, меридиональная коммуникация, историческая антропология, аксиология, этос

© Евстиунин В.А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Евстиунин В.А. Новые горизонты Средневекового Причерноморья. Рецензия на книгу: Еманов А.Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV веков // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 662–680. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.662-680 EDN: OQDFUV

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01592, <https://rscf.ru/project/23-28-01592/>

**NEW HORIZONS OF THE MEDIEVAL BLACK SEA REGION.
BOOK REVIEW: EMANOV A.G. BETWEEN THE POLAR STAR
AND THE MIDDAY SUN: CAFFA IN WORLD TRADE
IN THE 13TH – 15TH CENTURIES**

V.A. Evstiunin

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation
v.a.evstiunin@utmn.ru*

Abstract: This article delves into the monographic study by Professor A.G. Emanov of the University of Tyumen. It represents an attempt to culturally and anthropologically explore the sphere of economic relations in the Old World during the 13th–15th centuries, centered around an in-depth examination of the history of one of the largest trade and craft hubs of that era – the Crimean city of Caffa (modern-day Feodosia). The study draws upon a broad spectrum of written and material sources. The author meticulously analyzed private legal documents, both public and private records in various languages such as Latin, Middle Greek, folk Romance, Germanic, Slavic, as well as other European and Oriental languages, along with collections of numismatic artifacts. The author also compiled a topography detailing the distribution of treasures and individual finds of Caffa's coins in Eastern Europe. The primary research hypothesis is a departure from the conventional West-East dichotomy, proposing instead the coexistence of the North and the South as central to historical processes. The author's distinctive style is marked by a penchant for metaphors and etymological exercises. He symbolizes the North as the North Star and the South as the Midday Sun, aligning with how medieval people, especially merchants and sailors, referred to them. To characterize trade and cultural exchange between the North and the South, the author employs the unique term “meridional communication.” The book's most distinguishing feature lies in the author's reconstruction of how medieval Europeans perceived goods exported from Caffa. This perception is explored in the context of urban culture, including the representation of Siberian furs in European heraldry. Additionally, the author reconstructs the mindset of businesspeople from that era. His conclusions suggest that their motives were not purely driven by greed but rather guided by ethos – a behavioral model characterized by a set of value orientations and virtues, encompassing elements such as charity and compassion for the less fortunate and vulnerable.

Keywords: A.G. Emanov, Caffa, Feodosia, 13th–15th centuries, economic history, meridional communication, historical anthropology, axiology, ethos

For citation: Evstiunin V.A. New Horizons of the Medieval Black Sea Region. Book Review: Emanov A.G. Between the Polar Star and the Midday Sun: Caffa in World Trade in the 13th–15th Centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 662–680. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.662-680 (In Russian)

Financial Support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01592, <https://rscf.ru/project/23-28-01592/>

2022 г. был отмечен выходом в свет новой книги известного российского медиевиста и византиниста [6], главного научного сотрудника Лаборатории исторической географии и регионалистики Тюменского университета, основателя тюменской школы медиевистики, А.Г. Еманова «Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы / Феодосии». Это побуждает обратиться к рассмотрению более ранней книги автора «Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV веков» [4]. В ней получили развитие идеи, намеченные еще в первой книге ученого «Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв.» [7], которая была напечатана в Тюмени в 90-е гг. прошлого века, и, снабженная авторскими рисунками, схемами и картами, ныне представляет собой библиографическую редкость.

В 2019 г. книга была удостоена реферативного обзора И.А. Эман [13]. В данном обзоре внимание было сосредоточено на рассмотрении экономической и социальной составляющих исследования, что дает повод для изучения концептуальных построений исследователя, позиционировавшего свою работу как попытку «культурологического взгляда» на сферу экономических отношений изучаемой им эпохи.

Автор отчетливо стремится к альтернативному осмыслению мировых процессов, рассматривая их не в привычной дихотомии «Запад–Восток», но в меридиональной плоскости «Север–Юг». Метафора «Запад–Восток» не отвергается автором полностью, но корректируется культурно-антропологической оптикой «Север–Юг». Так материальные и нематериальные феномены, традиционно соотносимые с Западом, или с Востоком, автор предлагает рассматривать как имеющие отношение одновременно к Северу и Югу.

Наряду с этим в обеих метафорах автором снимаются акценты с противопоставления – не противостояние, а взаимосуществование «Запада» и «Востока», «Севера» и «Юга». Автором признается условность подобных делений, обозначенная им в качестве «интеллектуального мифа», однако из двух устоявшихся метафор значение дихотомии «Север–Юг» признается автором бóльшим как в экономическом и социальном, так и в культурном и аксиологическом контекстах. Торговый обмен рассматривается им одновременно и как культурный и аксиологический обмен, поскольку наряду с перемещением людей и товаров осуществлялся трансфер технологий, культурных достижений и идеалов. Им подчеркивается, что Север для южан и Юг для северян выступали объектами духовных исканий, целью паломничеств в поисках совершенных форм жизни, в ходе которых достигалось духовное восхождение. Описанное выше, по мысли автора, выражено в этосе (идеале поведения) купца и предпринимателя («делового человека»), в разные исторические периоды покидавшего родные края не только ради погони за переменчивыми прибылями, но также ради поиска совершенства.

Торговый и культурный обмен между Севером и Югом обозначен автором оригинальным терминологическим сочетанием «меридиональная комму-

никация», в основу которого положена метафора географического меридиана как обозначения вектора движения.

При этом метафора «Север–Юг» была избрана автором не только из-за нового культурного контекста и слабой освоенности проблематики в сравнении с направлением «Запад–Восток» в контексте экономической истории, но и по результатам исследований в области новой социальной, экономической и интеллектуальной истории. Так экономическая и социальная составляющие книги во многом основаны на ранних штудиях автора, проводившихся в советский период [8]. При этом обращения к новым «западным» областям исторического знания могут быть поняты как стремление предложить альтернативу марксистской методологии – обусловленности культуры материальными, социально-экономическими факторами. Впрочем, дать ответ на вопрос о том, что в его случае было первичным, – интерес к культуре, или к экономическим и социальным процессам, может лишь сам автор книги [1]. Рецензентом явственно прочитывается первое.

Попытку реализовать сформулированные им идеи автор предпринял на материале изучения истории крымского города Кафа (современная Феодосия), в Средневековье являвшегося одним из крупнейших центров торговли и ремесла Старого Света, располагавшимся на пересечении торговых путей и культурных коммуникаций между Западом и Востоком и между Севером и Югом. Последнее было менее изучено предшественниками не только в культурно-ценностном, но и в экономико-социальном плане, что еще в советский период предоставило автору основание для выдвижения проблемы «Север–Юг» на первое место [8].

Выбор Кафы определил хронологические и территориальные рамки исследования. Хронологические рамки ограничены XIII–XV вв., периодом наибольшего расцвета города, когда свершились масштабные положительные изменения в мореплавании и торговле, давшие исследователям основание характеризовать это время как эпоху коммерциализации и протоиндустриализации. Территориальные рамки исследования задаются, с одной стороны, микромасштабом – территорией Кафы, и, с другой стороны, макромасштабом – пространством всего Старого Света. Таким образом, происходившие в Старом Свете в указанный хронологический период процессы были показаны на материале малой выборки – торговля и культурный обмен Кафы, отразившей свойства генеральной совокупности – торговля и культурный обмен в масштабе всего Старого Света. То есть Кафа, по мысли автора, подобно капле воды, отразила в себе «наиболее существенные характеристики мирового континуума XIII–XV вв.» [4, с. 296].

В рассматриваемой книге метафора «Север–Юг» усложнилась. Север был обозначен автором Полярной звездой, а Юг – с Полуденным Солнцем, поскольку так они обозначались средневековыми деловыми людьми, преимущественно купцами и мореплавателями, для которых эти астрономические объекты выступали главными ориентирами в их странствиях. Приводятся наблюдения из языка латинских и византийских мореплавателей, купцов и путешественников эпохи Позднего Средневековья деятельность которых была связана с Кафой. Так средневековыми латиноязычными мореходами Север обозначался как «Septentrio» – «Семизвездье», «Aquilo» – «Северный ветер»; византийскими мореплавателями Север обозначался как «Βορέας» –

древнегреческое божество ледящего ветра. Юг обозначался латинянами «Meridio»¹ – от словосочетания «medius dies» – «полдень» или «Auster» – южный ветер; византийцами – «Νότος», «жаркий иссушающий Нот». Запад, соотносившийся средневековыми людьми с заходом солнца, обозначался латинскими авторами как «Occidens» и «Ponente», а мореходами – в розе ветров «Favonius», византийцами Запад фиксировался как «Ζέφυρος», божество теплого западного ветра; Восток отмечался латинскими картографами как «Oriens» и «Levante», моряками – «Vultunus», византийскими мореплавателями – как «Εὔρος», божество переменчивого свежего восточного ветра [4, с. 5].

Описанное иллюстрирует главные особенности авторского стиля, в котором написана книга. Это склонность к метафорам и этимологическим экскурсам, часто встречающимся на ее страницах.

Цель исследования сформулирована автором как необходимость решения проблемы «Север-Юг» в истории международных экономических отношений на материале Кафы. При этом автор подчеркивает, что для него являлось приоритетным не столько рассмотрение товарной структуры обмена между Севером и Югом, сколько установление «реальной значимости» южного товарного потока для Севера [4, с. 23] – южных товаров, вывозившихся из Кафы на Север. При этом продолжение формулировки об установлении значимости северного товарного потока для Юга опускается автором, однако раскрытие этого аспекта присутствует в книге [4, с. 77, 146, 185, 213, 270]. Под формулировкой «реальная значимость» автором понимается реконструкция восприятия средневековыми людьми товаров в их повседневной жизни как в рациональном (использование в практической деятельности, быту), так и в иррациональном (приписывавшиеся предметам мистические, магические и астрологические качества) аспектах. Здесь особенно просматривается приверженность автора к исторической антропологии, новой социальной и интеллектуальной истории, объектом изучения которой является мыслительное наследие людей, не создававших научных, либо художественных произведений, подлежавших публикации, и потому в течение долгого времени не привлекавших внимания исследователей, в частности, купцов, торговцев, ремесленников, моряков.

Далее следует обзор источников. Они систематизированы в тринадцать групп, упорядочены по принципу верифицируемости. Автором привлекались как письменные, так и вещественные источники. В качестве наиболее информативной группы сам автор отметил частноправовые акты, составленные итальянскими (преимущественно генуэзскими) нотариями в Кафе и иных городах Средневековых Причерноморья и, в целом, Средиземноморья. Автором не игнорировались и самые сложные для изучения группы источников. Здесь, к примеру, эпистолярные документы, письма, написанные в Кафе факторами крупного тосканского купца Франческо Датини. Работа со специфической лексикой нотариальных актов, составлявшихся в средневековом Причерноморье на варварской латыни с неизбежными вкраплениями из староитальянского, староиспанского, старофранцузского, среднегреческого, арабского и тюркского языков как составных частей универсального разговорного средиземноморского *lingua franca*, по мнению рецензента, предопределила

¹ Данный латинский корень обнаруживается также при рассмотрении терминологического сочетания «меридиональная коммуникация» и отсылает к этимологии слова «меридиан», положенного автором в основу метафоры.

склонность автора к этимологическим экзерсисам и метафорам, которыми, как уже было отмечено в рецензии, изобилует книга. Также следует особо отметить обращение автора к нумизматическим источникам – на их материале проведено нумизматико-топографическое исследование, приобретающее самостоятельную ценность [4, с. 270, 304–315].

Книга состоит из трех глав, каждая из которых включает в себя по четыре параграфа. Главы и составившие их параграфы упорядочены по проблемным полям. В название каждой из глав положена метафора.

Первая глава – «Кафа на путях “из Варяг в Греки” и обратно» [4, с. 42]. Использование автором метафоры “пути из Варяг в Греки” для XIII–XV вв., когда, казалось бы, таковой прекратил свое существование под воздействием завоеваний монголов, приобретает новый смысл. Так автором показывается, что «меридиональная коммуникация» на покоренных монголами территориях Восточной Европы не только не прервалась, но обрела новое качество, получив инфраструктурное обеспечение в виде переориентированной на речные магистрали ямской системы и ясачной практики.

Автором обосновывается понимание “путей из Варяг в Греки” как широкой зоны коммуникаций, где помимо днепровской, донской и волжской магистралей действовало множество путей по малым рекам и водоемам. При этом автором подчеркивается движение не только с Севера на Юг, но и обратно, оттеняется важность «южного импорта» как в экономико-социальной, так и в культурно-аксиологической перспективах.

Метафоричность ощущается и в авторском видении пространств «Севера» и особенно «Юга». Если «Север» определяется достаточно четко: по автору, это – земли, лежавшие к северу от широты Кафы, вне зависимости от долготы, то к южным землям автор относит не только территории, расположенные к Югу от широты Кафы, вне зависимости от долготы, но также регионы, находившиеся севернее широты Кафы, образ которых традиционно соотносится с Югом, например, Венеция, Милан, иные города Северной Италии и юг Франции.

В рамках рассмотренной в первой главе меридиональной коммуникации на территории западной части Монгольской империи (впоследствии западной части Золотой Орды) автором относятся к Северу все территории Восточной Европы, покоренные монголами, либо избежавшие завоевания; к Югу отнесены Византия, государства, в течение полувека существовавшие на ее территории после Четвертого крестового похода, Трапезундская империя, «сиропалестинские и египетские земли». Также в первой главе затрагиваются территории, имевшие торговые отношения с Кафой, но выходившие за пределы монгольского мира и лежавшие на “пути из Варяг в Греки” в его традиционном восприятии. Так, страны Северной и Центральной Европы, Приполярье Восточноевропейской и Западносибирской равнин относятся автором к Северу; Индия, государства Апеннинского и Пиренейского полуостровов – к Югу. Кафа, при этом, как в рамках проблематики первой главы (на “путях из Варяг в Греки”), так и последующих глав, показывается автором «причастной и Северу, и Югу одновременно» как в социо-экономической, так и в ценностно-культурной проекциях, что становится одним из существенных выводов в завершении книги.

В первом параграфе [4, с. 43], озаглавленном «Место Кафы в сообщениях между Севером и Югом», детализируется пространство коммуникаций, сложившееся на покоренных монголами и избежавших завоевания территориях на «путях из Варяг в Греки» в XIII–XV вв., представляются основные логистические маршруты, их сравнительная интенсивность, уточненные автором на основе нумизматического топографирования.

Также автором артикулируется еще одно метафорическое обозначение Юга (территорий, примыкавших с юга к Средиземному морю), характерное для средневековых мореплавателей – «*Ultramarè*», или «Заморье».

Во втором параграфе [4, с. 54], озаглавленном «Структура северного экспорта», приводятся данные о товарах, вывозившихся из северных земель на Юг через Кафу. Реконструкция ассортимента и стоимости товаров, проходивших через кафский порт, их обозначения в латинских, византийских, славянских, восточных и иных текстах, особенностей транспортировки, использования и восприятия современниками произведена автором с исчерпывающей полнотой. Также убедительной выглядит авторская классификация товаров – их отнесение к Северу, либо Югу. Описание северных товаров автор начинает с мехов. Так в Кафе встречались «все известные в мире виды мехов и самого лучшего качества» [4, с. 54].

После идет детальное описание продукции скорняжного ремесла Кафы, слабо представленного в предшествующей историографии, дается убедительное толкование тарификации «меха Кафы». Приводится высказывание Субхи Лабиба о том, что Генуя, одна из крупнейших морских держав той эпохи, лишилась половины своего флота, дабы добиться доминирующего положения в вывозе русских мехов из Кафы во все части Средиземного моря [4, с. 66].

Вызывает интерес характеристика «экзотических товаров Севера». В первую очередь, речь шла о красных кречетах и белых соколах, отлов которых велся на Северном и Приполярном Урале; они предназначались для соколиной охоты монархов и высшей княжеской аристократии южных стран. Любопытны сведения о моржовом бивне («рыбьем зубе»), который промышлялся на крупнейших лежбищах моржей на островах Вайгач и Новой Земли за Полярным кругом; он предпочитался косторезами Ренессансной Италии, ценился выше слоновой кости.

Автор справедливо акцентирует внимание на продукции северного ремесла, прежде всего, на «русском текстиле». Здесь особую значимость приобретала льняная ткань за ее удивительные свойства давать прохладу, свежесть, легкость, что по достоинству ценилось на Юге.

В третьем параграфе [4, с. 77], «Структура южного импорта», приводятся данные о товарах, импортировавшихся в Кафу с Юга и следовавших далее, на Север. Среди таковых автор на первое место ставит не текстиль, на чем настаивала предшествовавшая историография, но металлы и изделия из них – золото и золотые монеты (флорентийские флорины, генуэзские дженовины, венецианские дукаты, византийские иперпиры), ювелирные украшения; серебро и серебряные монеты (трапезундские / комниновские аспры, золотоордынские танги, османские акче, александрийские дирхемы, венецианские гроссо и генуэзские денарии гроссо, известные в России как «фряжское серебро»), изделия из серебра. Золото, серебро и монеты из этих металлов были единственными товарами, свободными от налогообложения. Вслед за этим

помещалась медь и «очень редкое» олово. Из меди и олова ремесленниками Кафы производилась бронза, из которой ими отливались, в частности, стволы для огнестрельного оружия, также экспортировавшееся на Север. После указывалось «железо всех сортов», подчеркивалось его потребление в кафском железоделательном производстве для изготовления всевозможных изделий, включая холодное оружие и доспехи. Отмечается также ввоз в Кафу свинца, воспринимавшегося в Средние века как «прокаженное золото», ртути, казавшейся людям Средневековья «живым серебром», вермиллона (сульфида ртути), туции (окисла цинка), цинка и даже латуни. Этот широкий ассортимент сырых металлов дал повод исследователю сравнивать ремесленный потенциал Кафы с Генуей и Константинополем.

Только на второе место ученый помещает текстиль – фландро-французские (шалонские, шампанские, реймские) и итальянские (ломбардские, пармские, бергамские, пьячентинские) тонкие и толстые сукна, кипрский камлот. Наряду с сукном в Кафу ввозились ткани из конопли, льна, хлопка (бумазея, холст, саржа, сатин). Были шелковые (скамандр, бокаран, артагаз, тауси, аксамит, фодудья, оловир, куфтерь, камка, камокат, атлас, тафта, изорбаф, кутня, объярь, велюр, бархат) и парчовые (алтабас, байберек, сендал, назик, фарауз, кара, хиндряк, шида, мафория, сакос, куфия, сай) материи. Особое место занимали сирийский хлопок, «крупчатая бумага» (хлопок в тюках), сырой лен, шелк-сырец и шелковая пряжа. Исключительно значим вывод исследователя о шелкоткачестве в самой Кафе, продукцией которого стали «кафимские» шелковые и парчовые материи разных сортов.

На третье место автор ставит бумагу из Италии и Испании, констатируя отсутствие в Кафе своего бумажного производства из-за дефицита проточной пресной воды. Из Кафы итальянская бумага распространялась на Север. Отмечается ввоз книг в Кафу, начало книготорговли.

После характеризуется ввоз в кафский порт итальянской керамики (ярра, бариль, мецароло), генуэзской майолики, египетской глазури, византийского граффито, персидского кобальта, сирийских спринклеров, арабского стекла, бижутерии Мурано; отмечается наличие в Кафе собственного гончарного и стеклодувного производств, особой местной ремесленной традиции.

Затем представляется импорт в Кафу сельскохозяйственной продукции Юга (оливковое масло, оливы, маслины, орехи, миндаль, шафран, каштаны, фрукты, сахар). Отмечаются полезные гастрономические и медицинские свойства продуктов, как соответствующие действительности, так и приписываемые им средневековыми людьми.

Отдельно выделяется вино, поскольку оно важно в таинстве евхаристии и в поддержании здоровья горожан [4, с. 117]. Оно привозилось в кафский порт в двуручных амфорах и бочках. Ассортимент вина поражал своей широтой – мальвазия, миланское, неаполитанское, греческое, марсельское, провансальское и др. Вино не распространялось далеко на Север, поскольку на Руси и в Татарии его почти не пили.

Заключают обзор южного импорта редкие товары. Среди таковых южные специи – цератоний, ладан, амбра, кассия, фисташки, мастика, кораллы и мыло. Последнее стало известно на Севере только благодаря Кафе. В завершении констатируется, что «широта предложенного импорта продолжала оставаться следствием большей благоприятности естественно-географи-

ческой среды южных стран, более легкой доступности ископаемых недр и богатства агрокультуры Юга» [4, с. 121].

В четвертом параграфе [4, с. 122], озаглавленном «Фигура купца», средневековому рисуются образы северных и южных купцов, действовавших на «путях из Варяг в Греки». Описываются их путешествия на Юг и на Север, замысловатые коммерческие практики, купеческие объединения, обозначения купцов и иных деятелей современниками (фрязи, ушкуйники, сурожане и др.). Интересной видится реконструкция ментальности купцов, мотивов, побуждавших южан (итальянцев и греков) отправляться далеко на Север, а северян (новгородцев и москвитов) – на Юг, в Заморье. Дополняют картину образы мусульманских купцов. По мысли ученого, мотивы купцов не сводились к погоне за наживой, к «тривиальной алчности». Более значимыми были «духовные искания» деловых людей, которые усиливались в ситуации эсхатологических ожиданий, роста сомнений и страхов. Купцы, по заключению автора, были движимы стремлением найти истинный путь спасения, неизбежно сопряженный с тяжкими испытаниями.

Название второй главы, посвященной рассмотрению места Кафы в торговле и культурном обмене между Западом и Востоком сквозь оптику «Север-Юг», – «Кафа и “Великий шелковый путь”» [4, с. 131]. Автор дает разъяснение метафоры “Великого шелкового пути”, впервые употребленной Фердинандом фон Рихтхофеном в 1877 г. Отмечается, что маршрут, связывавший Запад и Восток и служивший движению шелка из Китая, был известен задолго до Рихтхофена; его знали Клавдий Птолемей (90–168 гг. н.э.), составитель знаменитой «Географии», и Луций Флор (74–130 гг. н.э.), сочинитель «Эпитомы». В отличие от предшественников исследователь позиционирует “Великий шелковый путь” как широкую зону торговых и культурных коммуникаций, охватывавшую значительные территории к Северу и Югу от магистральных линий, по сути, от Индийского океана – до Северного Ледовитого океана. Это позволило ученому разглядеть «северный колорит “специй”», впервые выделить среди таковых товары северного происхождения (меха, воск, мед, икра, осетрина и др.) [4, с. 296]. Исключительная дистрибутивная роль Кафы также позволила автору реконструировать распределение поступавших в город западных и восточных товаров на Север и на Юг. При этом восточные товары экспортировались из Кафы исключительно на Север и на Запад, поскольку на Юг они поступали напрямую, по центральному и южному направлениям «Великого шелкового пути», а западные товары экспортировались из Кафы как на Север и на Восток, так и на Юг. Таким образом, Кафа, будучи крайним западным терминалом на «Великом шелковом пути», являлась центром меридиональной коммуникации между Севером и Югом.

В первом параграфе «Место Кафы в сообщениях между Востоком и Западом» [4, с. 133] приводится детализация трех магистральных линий “Великого шелкового пути” (описанных в соответствии с авторской топикой – «Север-Юг»). Описание маршрутов из Кафы на Запад приводится в сокращенном формате. Перечисляются основные торговые партнеры Кафы на Востоке и на Западе. Круг первых был достаточно широким – столичные центры Передней Азии: Тебриз (Тавриз) и Султания, Алеппо (Халеп) и Ахлат, Кастамону и Конья, Савасто (Сивас) и некоторые другие города Державы Ильханов, город-порт Ормуз (Бендер Аббас), Йезд и Керман; города Центральной Азии:

Самарканд и Ургенч, столица Древнего Хорезма; мегаполисы Восточной Азии: Канбалык (Пекин), Кинсай (Ханчжоу) и Камчи (Ланьчжоу); космополисы Южной Азии: Дели. Круг основных торговых партнеров Кафы на Западе составляли, помимо названных в предыдущей главе, польские Краков и Львов, германский Нюрнберг и ганзейский город Данциг (Гданьск). “Великий шелковый путь” распался на северное, центральное и южное направления. Северное направление проходило через Татарию в «страну готов», то есть сквозь пустыни и степи Южной Сибири и Центральной Азии, через Северный Прикаспий, выходя к Северному Причерноморью. Данный маршрут назывался латиноязычными авторами средневековых руководств по торговле самым быстрым и «самым безопасным, как днем, так и ночью», он мог быть преодолен всадником за 5–6 месяцев, в чем сказались положительное влияние образования в XIII в. Монгольской империи; периоды «Замятен» в Орде негативно сказывались на функционировании этого пути. Существовали более северные ответвления данного маршрута, проходившие через Сибирь – от Прибайкалья до Урала, затрагивая входившее в состав Золотой Орды Тюменское (впоследствии Сибирское) ханство, его столицу «Чимги-Туру» (впоследствии Тюмень – данный топоним объясняется автором огласовкой вогульского (мансийского) языка – «Tsemgen»). Данный путь частично описан Иоганном Шильбергером, перевод отрывка из сочинения которого приведен ученым в приложении. В качестве самого северного ответвления автором указывается малоизвестный европейцам маршрут, проходивший от территорий близ современного Сургута (урочище «Барсова гора») до Обской губы и далее по морям Северного Ледовитого океана в Скандинавию. Центральное направление, характеризующее историками, как менее протяженное, однако сопряженное с большими трудностями и опасностями, вело из Китая, минуя горные перевалы Тибета и Северную Индию, до Самарканда и Бухары, далее через Южный Прикаспий (Держава Ильханов) к Южному Причерноморью, в Трапезунд, имевший морское сообщение с Кафой. Южное направление брало начало в китайском порте Цюаньчжоу (Зайтон) на побережье Желтого моря, отсюда путь пролегал по Тихому океану, огибал Юго-Восточную Азию, далее шел по Индийскому океану, обходя полуостров Индостан, достигал Персидского залива с его главным портом в Ормузе, откуда был налажен сухопутный путь, следовавший в Трапезунд и морской переход в Кафу. Данным маршрутом возвращался из Индии Афанасий Никитин, дошедший до Кафы. Описанным трем магистральным направлениям сопутствовали многочисленные периферийные пути, «подобно нервам, покрывавшие все пространство Евразии от Северного Ледовитого океана до его южного антипода». По мысли автора, значение периферийных путей, далеко не все из которых ныне реконструированы, в их совокупности не уступало магистральным. Также большая жизнеспособность периферийных коммуникаций могла компенсировать нарушения обмена по главным путям, происходившие, главным образом, по политическим и военным причинам [4, с. 142].

Во втором параграфе «Восточный импорт и его дистрибуция» [4, с. 146], исследователь помещает на первое место среди товаров, ввозившихся с Востока в XIII–XV вв., не специи, но, актуализируя отсылающую к Античности метафору, шелк, притом именно в качестве сырья – шелк-сырец, ввоз которого объяснялся возросшими потребностями западного текстильного производ-

ства, развитого также и в Кафе. Автор перечисляются сорта шелка – хорезмийский, ургенчский, мазандаранский, горганский, шекский, шемахский, карабахский, ладжиханский, грузинский, гилянский и китайский. Однако качество последнего, ввиду долгой транспортировки, оставляло желать лучшего. Автор приводит итальянский каламбур – «seta cataya – seta cattiva», «китайский шелк – плохой шелк».

На второе место ученый помещает текстиль, называвшийся на Руси «красным товаром». Среди его сортов выделялись нак (от персидского «нах» – хлопок), хлопчатобумажная ткань, расшитый золотом назик, парча, мосульские ткани, аксамиты, камка, бархат, атлас, сендал, синдон, восточные ковры и коврики, бокаран, пестрядь, кармазин, зуфь, камлот, килик, киндяк, бязь, бомбасин, бумазея, епанча, терлик, портища, платки и многое другое.

Только третье место исследователь отводит специям. Они различались как «специи грассо», поскольку измерялись в больших весовых единицах, кантариях (47,65 кг), и «специи минуто», ибо измерялись в малых весовых единицах, либрах (317 г). К первым относились перец и корица. К категории «специй» средневековое мышление относило южные лаки, благовония, мази, духи, металлы, квасцы, бумагу, соль, северные рыбий клей, икру, воск, мед и кость. По средневековым представлениям специи обладали общими восстановительными для здоровья человека свойствами; автор приводит оцененную им как неудачную иронию Фернана Броделя по поводу одинаковой пригодности заморских специй для «изгнания ветров» и «благоприятствия зачатию» [4, с. 158]. К категории специй ученый также относит некоторые виды мехов, так как по средневековым представлениям они обладали целебными свойствами. Особую яркость этой части книги придает детальное описание полезных свойств различных специй – перца, ладана, тимьяна, гвоздики, корицы, мускатного ореха, мускатного цвета, имбиря, сандала, кардамона, маренны, кубебы, орсейля, кассии, индиго, ревеня, бразильского дерева, цитварной полыни, суматрийской камфары, тибетского мускуса, иранского капера, аравийской манны, драконовой крови (красной смолы), сафлора, чернильных орешков, гальбана, засахаренных фруктов, щербета, красного сахара – соответствующих действительности и приписываемых им средневековыми людьми. К примеру, некоторые из них считались способными защитить от чумы, что было весьма востребовано в ситуации Великой пандемии середины XIV в., так называемой «Черной смерти». Бактерия чумы была принесена в Кафу с Востока войсками хана Джанибека и оттуда на кораблях попала в Европу. Весьма интересно суждение автора о соотношении северных и южных специй как 9:1 [4, с. 170].

Четвертая позиция в восточном импорте в Кафу отводилась драгоценным камням. То были жемчуг (маргарит, перламутр, перл, «гурмыжские зерна», бисер), алмазы (адаманты, диаманты), рубины (яхонты, балаши), шпинели, сапфиры (корунды), бирюза (туркиз), лазуриты, ляпис-лазурь, изумруды (смарagdы), гиацинты (иакинфы, лигирии), агаты (ногты, ониксы, сардониксы, сердолики), менее ценные хризоберилл (кошачий глаз), хрусталь, мистический фатис (безоар), фантастический «Рог Кергеденя» (единорога). Драгоценные камни ценились за их мистические и магические свойства, но в конечном счете за их способность фиксировать статус, успешность людей в новой городской среде, что обусловило повышенный спрос на них. Наконец,

драгоценные камни в силу их высокой стоимости и малого веса оказались самым выгодным средством накопления сокровищ.

Далее отмечалась продукция восточных ремесел – китайский фарфор, изготовливающийся из белой каолиновой глины, и его разновидность – селадон из серого каолина, фаянс (псевдоселадон), покрытый зеленой глазурью и производившийся в Египте, Центральной Азии и Золотой Орде. На основе анализа археологического материала ученым производится ревизия данных об обороте керамики в Кафе, отмечаются собственное потребление этого города, дистрибуция в Крыму, реэкспорт по «*via tartarica*» на Север. Помимо этого, отмечались некоторые виды вооружения – байданы (кольчуги) и сабли, а также предметы быта – кубки, блюда, седла, котлы, шатры. Подчеркивалось, что все восточные товары переадресовывались из Кафы на Север, а также в страны Апеннинского полуострова и Южной Европы.

В третьем параграфе «Западный импорт и его распределение» [4, с. 185] реконструируется структура западного товарооборота в XIII–XV вв. В качестве наиболее дефицитного товара, который Запад мог предложить Востоку, автор указывает серебро, каждая унция которого в Китае, где имели обращение бумажные деньги, возрастала в стоимости в два раза. Систематизируя товары по группам, автор, как и в предыдущем параграфе, ставит на первое место текстиль – толстые и тонкие крашенные французские и итальянские сукна, которые везлись до Хаджитархана (современной Астрахани) и Тебриза, где они пользовались высоким спросом. Автор упоминает также льняные ткани, в частности, производившиеся на Руси и не имевшие аналогов на Востоке, и потому спрос на них был высок.

На втором месте, по наблюдениям ученого, оказывалась продукция ремесла – изделия из стекла от итальянских мастеров, в частности, из Мурано, – украшения и имитация драгоценных камней, бокалы из граненого стекла, стеклянные парадные кубки, золотые и серебряные вазы и чаши, инкрустированные драгоценными камнями, вызвавшие особый интерес хана Джагатая, механические часы для султана Дели, изобретенные европейцами в XIV в. и не известные на Востоке, также упоминалась доставка делийскому султану всевозможных редкостей – в частности, механического фонтана с редкими чудесными свойствами. Отмечались также «полуфабрикаты». Были и «редкие товары Запада», среди каковых упоминались кони, мулы, гибрид осла и кобылы, и даже собаки.

В четвертом параграфе – «Личность торговца» – автором рисуются образы западных и восточных купцов, действовавших на “Великом шелковом пути” [4, с. 191]. Наиболее деятельными среди них оказывались первые. Так, жившим размеренной жизнью деловым людям из крайних восточных пространств “Великого шелкового пути” – Китая и Индии, не было нужды отправляться далеко на Запад, при этом западные купцы жили на Востоке целыми колониями, что было обусловлено, по мысли автора, в первую очередь не стремлением к обогащению, но гипнотизировавшей воображение европейца привлекательностью Востока, причем не в качестве метафизического потустороннего «Царствия Небесного», но как физического «посюстороннего» Рая. Среди европейцев, отправлявшихся на Восток, встречались как люди, остававшиеся благочестивыми христианами, так и не способные устоять

перед искушениями и погрязавшие в пороках и разврате; как любимчики фортуны, так и испытавшие банкротство.

В третьей главе – «Север–Юг в масштабе регионального обмена» – выявляется особая роль Кафы в Причерноморье [4, с. 195]. Здесь обзор товарообменных процессов с глобального уровня перенастраивается на оптику регионального и локального уровней. При этом высвечивается не столько транзитное назначение Кафы, сколько аккумулятивно-дистрибутивная роль этого города в пределах Черноморского региона и крымской локальности, оттеняется значимость собственного производства и потребления городского социума самой Кафы.

В первом параграфе «Кафа и Черноморский регион» очерчивается «сфера торгового партнерства города на Черном море», описанная в логике византийских периплов и латинских портуланов против часовой стрелки.

Во втором параграфе «Структура регионального обмена» [4, с. 213] реконструируется ассортимент причерноморской продукции, поступавшей в Крым и аккумулировавшейся в Кафе. На первое место автор помещает полезные ископаемые – малоазийские квасцы, двойной сульфат калия-алюминия в виде белого порошкообразного вещества, в гранулах и кристаллах, либо в виде руды. Спрос на квасцы объяснялся настоящим переворотом в текстильном деле, в изобретении технологии стойкого окрашивания сукна с помощью квасцов. Упоминается о вывозе квасцов на Север, игнорировавшемся предшествующей историографией. Отмечается ввоз в Кафу металлов, добывавшихся в Причерноморье. Констатируя полную зависимость Кафы от привозного сырья, ученый подчеркивает, что серебро для нужд местного производства и монетного чекана поступало, главным образом, с Запада, из Европы, в рамках «дальней» торговли. Ввоз в Крым серебра из копей Причерноморья – Трапезунда и Грузии, как показали исследования С.П. Карпова [9] и Т.Н. Берадзе [2], был минимален, что объясняется отсутствием равноценного товарного предложения со стороны крымских городов, которым выгоднее было получать серебро издалека, с Запада. Из Южного Причерноморья серебро поступало, главным образом, в виде монеты – трапезундских (комниновских), синопских и савастопольских аспров, в которых также совершались расчеты по нотариальным актам в Кафе. Также из Южного Причерноморья поступали медь и железо.

Следующую после металлов позицию занимали продукты аграрной сферы – в первую очередь зерно и хлеб, а также технические культуры – лен и льняное масло, конопля и цитварное семя. «Торговля зерном, несомненно, являлась самой значительной отраслью международного обмена XIII–XV вв., многократно превосходившей все прочие» [4, с. 225]. Также зерно являлось основным товаром, вывозившимся из Северного Причерноморья. Экспорт зерна осуществлялся как в рамках дальней торговли – на Запад, в Европу, так и в масштабе Причерноморского региона, где основными потребителями зерна являлись жители двух крупнейших греческих столиц – Константинополя и Трапезунда. В латиноязычной терминологии зерно определялось термином “victualium”, носившим в себе также более широкий смысл – так обозначалось и продовольствие в целом, что подчеркивало важность зерна и хлеба как главного и незаменимого элемента, составлявшего рацион средневекового человека. Разновидности зерна обозначались “biado” – хлебные злаки (пшеница и

рожь), «frumento» – мелкое зерно (просо, ячмень, овес и гречиха), зачастую данный термин использовался в качестве синонима «victualium».

Наряду с хлебом в Кафу также поступали иные продукты питания из Крыма – фрукты (яблоки, виноград, изюм, фиги) и овощи (капуста, огурцы, дыни, арбузы, лук, чеснок и другие), стручковые и бобовые. Кафиотам был известен рис, с которым европейцы познакомились только со времени первых Крестовых походов. Он происходил из стран Леванта, Анатолии и Центральной Азии, прежде всего из Самарканда. В кафской повседневности рис не являлся «зерном бедняков», как его определял Фернан Бродель, напротив – он использовался для приготовления блюд по случаю торжественных приемов послов.

Отдельно рассматривается ввоз вина в кафский порт, «кровь Христа» европейской и византийской цивилизаций, входившее в понятие «victualium». По-новому оцениваются виноградарство и виноторговля Крыма, отнюдь не деградировавшие. Так ввоз в Кафу местных крымских вин в середине XIV в. составлял 2600 бочек (12532 гл), это – более половины вина, потребляемого городом. Крымское вино также вывозилось из Кафы на Север, вплоть до Москвы. Автором детально описываются пошлины на вино, существовавшие в Кафе, упоминается специальный «винный сбор Кафы». Подчеркивается, что жители Кафы были владельцами близлежащих виноградников, были причастны к производству местного вина и виноторговле, что не учитывалось в прежней историографии.

Активным спросом в Кафе пользовались продукты скотоводства, поскольку ближайшими соседями города были Крымский улус Золотой Орды, княжества Молдавии и Валахии, славившиеся скотоводческим хозяйством. На мясной рынок Кафы, располагавшийся на сваях в море, привозили мясо всех видов (коров, буйволов, баранов, овец, свиней, птиц), копченое и соленое, сыры, масло. Мясо занимало в рационе кафиотов место, сравнимое с хлебом. Даже городской плебс ежедневно питался мясом, отдавая предпочтение самой дешевой соленой свинине. Мясные продукты также подлежали экспорту – как в масштабе Причерноморья, в Константинополь и Трапезунд, так и на Запад, например, в Пизу. Развитое коневодство Северного Причерноморья (как в Молдавии и Валахии, так и в кипчакской степи с ее «культурой коня») также привело к созданию в Кафе рынка скакунов, вывозившихся в Матрегу и Константинополь. Большое значение имели производство и экспорт шкур и шерсти.

Особое место занимала продукция промыслов. Речь прежде всего шла о ценных породах рыбы – белуге, севрюге, осетре. Азовская рыба, заходившая на нерест в устье рек Дона и Кубани, активно промышлялась, обрабатывалась на местных тонях, участках на берегу моря, снабженных хозяйственными и жилыми постройками, где разделявали рыбу, собирали икру, солили и вялили осетровые спинки и брюшки. Кафиоты нередко выступали владельцами таких тонь, в больших объемах вывозили рыбу из портов Таны и Копы.

Большое значение также имела соль, составлявшая одно из главных богатств Причерноморья. Значительный спрос на нее объяснялся не столько употреблением в пищу, сколько использованием в качестве самого надежного средства консервации (вплоть до изобретения морозильников) той же рыбы, мяса, сала, а также в ремесленном производстве, например, для выделки кож. Соль из соляных озер западного и восточного Крыма вывозилась из множест-

ва пристаней, гаваней, якорных стоянок, часто называвшихся ле Салине, составлялась в крупные партии в кафском порту и экспортировалась в страны Апеннинского полуострова, где ресурсы собственных солончаков были к XIII в. истощены. Отмечается экспорт крымской соли на Север, в земли Московии, Поволжья, Подонья, Поднепровья.

Из продуктов локальных промыслов упоминался еще воск. Различались следующие его сорта – «воск Газарии», происходивший из Крыма и Днепровско-Донского междуречья, «воск Таны», поступающий из районов нижнего Подонья и нижнего Поволжья, и «воск Савастополя», имевший грузинское происхождение. Все эти сорта, согласно Пеголотти, уступали в качестве воску Загоры (Болгария); хотя «воск Газарии» признавался порой лучшим в Романии. Первый вывозился в Геную, второй – в Венецию, а третий – в Константинополь.

Отмечался в монографии и лесной промысел. Подчеркивалось, что Приазовье XIII–XV вв., в отличие от современности, было богато лесами. Гигантские флоты итальянских морских республик – Генуи и Венеции, Пизы и Неаполя – были выстроены «из добротного корабельного леса приазовских дубрав». Ценные породы древесины вывозились из кафского порта во все страны Средиземноморья.

Был еще один ресурс региона, о котором вплоть до масштабных работ профессора Гентского университета Шарля Верлиндена [15] не было принято распространяться. Это – торговля людьми. Речь шла о рабах. Каноническое право Западной Европы в Средние века допускало возможность обращения в рабство представителей нехристианских народов. Потому Кафа, как город, лежавший «в пасти неверных» (на западной границе Золотой Орды, вблизи исламских государств), превратилась в главный центр работорговли всего Старого Света.

В третьем параграфе «Кафа и континентальный обмен» [4, с. 270] рассматривается включенность города в сеть сухопутных коммуникаций Восточной Европы, что не нашло должного отражения в прежней историографии, основанной на материале латиноязычных и грекоязычных документов и освещавшей, преимущественно, морские сообщения. Таким образом, северный вектор находит здесь свое законченное выражение. Здесь исследователем применен метод нумизматического топографирования. Им были упорядочены, сведены в таблицы и нанесены на карту [4, с. 284, 304] данные об археологических находках монет Кафы на территории Восточной Европы, а также о находках иноземных монет на территории современной Феодосии.

В четвертом параграфе «Феномен делового человека» [4, с. 290] представлены образы «деловых людей» Понтийского региона. Понятие «деловой человек» эпохи Средневековья, по мысли автора, шире, нежели понятия «торговец» и «купец». Так, помимо торговли, деловой человек был занят ремесленной деятельностью, промыслами, транспортной логистикой, а также финансовыми операциями, владел приемами бухгалтерского учета; он владел несколькими языками, необходимыми в деловом общении, порой не чурался поденной работы, отличался особым менталитетом.

В заключении подводятся общие итоги монографического исследования. Автор подчеркивает, что именно активный торговый и культурный обмен исторически более развитого ввиду благоприятности условий природного ланд-

шафта Средиземноморского региона (включающего Причерноморье) с Севером отличал экономическую жизнь Средневековья от периода Античности и предопределил смещение мировых экономических и культурных центров из Средиземноморья на Север в период Нового Времени. Ученый утверждает, что в эпоху XIII–XV вв., отмеченную монгольскими завоеваниями и существованием монгольских государств, обмен между Севером и Югом не прекращался, но приобрел новое качество, предопределив рождение глобального мира задолго до появления понятия “global”. В контексте изучения менталитета средневековых деловых людей (европейцев, левантийцев и представителей иных народов, действовавших в средневековом Причерноморье) автор подчеркивает, что их мотивы были обусловлены не столько стремлением к обогащению, сколько духовными исканиями. В данном контексте Юг, подобно Востоку, представлялся чувственным Раем, а Север, подобно Западу, местом паломничества, тяжких испытаний и покаяния. В целом, Кафа отразила в себе все черты мирового континуума своей эпохи, была причастна Западу и Востоку, Северу и Югу одновременно, что стало ее силой и слабостью. Город процветал, используя уникальность своего положения, но приходил в упадок, когда баланс сил на мировой арене оказывался нарушенным.

В приложениях приведены авторские переводы описаний Кафы, пристаней Крыма и Азова, важнейших торговых маршрутов из сочинений деловых людей и путешественников – Иоганна Шильбергера, Иоанна Галонифонтского, Эммануэле Пилоти, Тосканского Анонима, Франческо Пеголотти, Антонио Узодимаре [4, с. 297–302]; помещаются сведения по метрологии Кафы [4, с. 303], топография кладов и единичных находок монет Кафы [4, с. 304], детализации составов кладов с акче [4, с. 313] и аспрами [4, с. 314] Кафы.

Не все в рассмотренной монографии может быть принято, многое может являться предметом дальнейших дискуссий. Из упущений источникового порядка могут быть отмечены свод частноправовых документов черноморского региона «Акты генуэзских нотариев, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв.», опубликованный под руководством академика РАН, заведующего кафедрой истории Средних веков МГУ С.П. Карпова [9], и недавний корпус западных текстов «Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека», изданный профессором Университета Оулу Романом Хаутала [12].

Из историографических изъянов бросается в глаза отсутствие коллективной монографии «Золотая Орда в мировой истории» [11]. В контексте концептуализации книги в ней особенно важны главы профессора Принстонского университета Николо Ди Козмо о татарах и торговцах на черноморской границе, почетного профессора Парижского университета Мишеля Балара об экономических взаимоотношениях Генуи и Золотой Орды, профессора Висконсинского университета в Мадисоне Юлая Шамильоглу о влиянии изменений климата и великой пандемии на глобальную и региональную торговлю, а также монографии доцента департамента истории Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Евгения Хвалькова [14].

Авторские написания названий некоторых астрономических и географических объектов, имен собственных отсылают к дискуссии. Наибольшую сложность здесь представляют вопросы идентификации географических пунктов. Большой массив топонимов черноморского региона определен ис-

следователем на основе сравнительного анализа средневековых морских карт и современной географической съемки, с учетом археологических открытий на определяемых местах. Вместе с тем, примерно треть из рассмотренных топонимов может иметь другие идентификации. Здесь, пожалуй, нельзя игнорировать фундаментальную работу заместителя директора Научного гидрофизического центра Национальной академии наук Украины Антона Гордеева [3], в которой представлены итоги компаративного анализа 299 западных морских карт позднего средневековья и портуланов, текстовых приложений к ним, определены коэффициенты использования, вариантности и применения, важные для географической идентификации объекта.

Издание такого типа нуждается в гораздо большем количестве карт – всего Старого Света с маркированием сети коммуникаций между Севером и Югом, Западом и Востоком, важнейших хабов; черноморского региона вместе с Азовским морем с указанием логистических цепочек, сконцентрированных на Кафе; Крыма с сетью сухопутных маршрутов и приморских каботажных плаваний, опять же акцентированных на Кафе. Обнаруживается необходимость построения инфографики с отображением объемов, структуры торговли, иерархии товарных статей, одним словом, тех товарных потоков, которые проходили через Кафу.

Социальное портретирование деловых людей в Кафе Позднего Средневековья содержит значительный, еще далеко не раскрытый потенциал, открывает перспективы дальнейших исследований.

Резюмируя, можно сделать вывод, что монография профессора А.Г. Еманова являет собой самоценное историческое исследование, вносящее заметный вклад в изучение экономического, социального и культурного взаимодействия мира Старого Света в XIII–XV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байдуж Д.В. Не только юбилей: интервью с Александром Георгиевичем Емановым // Средние века. М., 2018. Т. 79, № 4. С. 154–171.
2. Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 298 с.
3. Гордеев А.Ю. Топонимика побережья Черного и Азовского морей на картах-портуланах XIV–XVII вв. Киев: Academia.edu, 2014. 479 с.
4. Еманов А.Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV веков. Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 368 с.
5. Еманов А.Г. Знаки идентичности моряков: по материалам портовых городов Генуэзской Газарии XIV–XV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2019. № 11. С. 527–553.
6. Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы / Феодосии. Санкт-Петербург: Алетейя (Серия «Новая Византийская библиотека. Исследования»), 2022. 734 с.
7. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: МИ «РУТРА», 1996. 225 с.
8. Еманов А.Г. Система торговых связей Кафы в XIII–XV вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук 07.00.03. Л.: ЛГУ, 1986. 16 с.
9. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: МГУ, 1990. 336 с.

10. Акты генуэзских нотариусов, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв. / под ред. С.П. Карпова; сост. М.Г. Альваро, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо. Санкт-Петербург: Алетейя (Причерноморье в Средние века; вып. 10), 2018. 760 с.

11. Золотая Орда в мировой истории / шеф-ред. Р. Хакимов, М. Фаверо; отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.

12. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии». Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

13. Эман И.Е. Рец. на: Эманов А.Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв. СПб.: Алетейя, 2018. 368 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. М., 2019. № 1. С. 12–16.

14. Khvalkov E. The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation. New York; London: Routledge, 2018. 443 p.

15. Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe médiévale. Brugge; Gent, 1955–1977. Vol. I–II.

Сведения об авторе: Владислав Анатольевич Евстиунин – лаборант-исследователь лаборатории исторической географии и регионалистики Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (625003, ул. Володарского, 6, Тюмень, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9535-3172>. E-mail: v.a.evstiunin@utmn.ru

*Поступила 08.03.2023 Принята к публикации 27.06.2023
Опубликована 29.09.2023*

REFERENCES

1. Bajduzh D.V. Not Merely a Jubilee: Interview with Alexander Georgievich Emanov. *Srednie veka* [Middle Ages]. Moscow, 2018, vol. 79, no. 4, pp. 154–171. (In Russian)

2. Beradze T.N. Navigation and Maritime Trade in Medieval Georgia. Tbilisi: Mecniereba, 1989. 298 p. (In Russian)

3. Gordyeyev A.Yu. Place Names of the Black Sea and Sea of Azov Coasts from Portolan Charts 14th – 17th Centuries. Kyiv: Academia.edu, 2014. 479 p. (In Russian)

4. Emanov A.G. Between the Polar Star and the Midday Sun: Caffa in World Trade in the 13th – 15th Centuries. St. Petersburg: Aletheia, 2021. 368 p. (In Russian).

5. Emanov A.G. Identity's Signs of Sailors: on the Materials of the Port Cities in the Genoese Gazaria in the 14th – 15th Centuries. *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2019, no. 11, pp 527–533. (In Russian)

6. Emanov A.G. The Celestial Jerusalem or the Babylon: the Choice of the Fate of Medieval Caffa's / Feodosia's. St. Petersburg: Aletheia (New Byzantine Library. Researches), 2022. 734 p. (In Russian)

7. Emanov A.G. North and South in the History of Commerce: on the Materials of Caffa of the 13th – 15th Centuries. Tyumen: RUTRA, 1996. 225 p. (In Russian)

8. Emanov A.G. The System of Trade Relations of Caffa in the 13th–15th Centuries. Diss. ... Candidate. Hist. Sciences 07.00.03. Leningrad: Leningrad State University, 1986. 16 p. (In Russian)

9. Karpov S.P. Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Region in the 13th–15th Centuries: Problems of Trade. Moscow: Moscow State University Publ., 1990. 336 p. (In Russian)
10. Acts of Genoese Notaries Rogated in Kaffa and in Other Cities of the Black Sea Region in the 14th – 15th Centuries. ed. by S.P. Karpov; compiled by M.G. Alvaro, A. As-sini, L. Balletto, E. Basso. Saint Petersburg: Aletheia (Black Sea Region in the Middle Ages; vol 10), 2018. 760 p. (In Russian, Italian, Latin)
11. The Golden Horde in World History. Chief editors R. Khakimov, M. Favero; responsible editors I. Mirgaleev, R. Hautala. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 968 p. (In Russian)
12. Hautala R. In the Lands of “Northern Tartary”: Information from Latin Sources about the Golden Horde during the Reign of Uzbek (1313–1341). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, 976 p. (In Russian, Italian, Latin)
13. Eman I.E. Review: Emanov A.G. Between the Polar Star and the Midday Sun: Caffa in World Trade in the 13th – 15th Centuries. Saint Petersburg: Aletheia, 2018. 368 p. *Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature*. 2019. Series 5: History. Vol. 1, pp. 12–16. (In Russian)
14. Khvalkov E. The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation. New York; London: Routledge, 2018. 443 p.
15. Verlinden Ch. L’esclavage dans l’Europe médiévale. Brugge; Gent, 1955–1977. Vol. I–II. (In French)

About the author: Vladislav A. Evstiunin – Research Laboratory Assistant of the Laboratory for historical geography and regionalistics at the Institute of social sciences and humanities, Tyumen State University (6, Volodarsky Str., Tyumen 625003, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9535-3172>. E-mail: v.a.evstiunin@utmn.ru

*Received March 8, 2023 Accepted for publication June 27, 2023
Published September 29, 2023*